

УДК 821.161.1-31

ПОЭЗИЯ БОРИСА ПАСТЕРНАКА В ОЦЕНКЕ В.Н. ИЛЬИНА: РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

© 2014 г.

Л.С. Конкина

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

lskonkina@mail.ru

Поступила в редакцию 26.04.2014

Рассматривается интерпретация поэзии Б.Л. Пастернака из романа «Доктор Живаго» известным литературным критиком и богословом русской эмиграции «первой волны» В.Н. Ильиным. Показано своеобразие религиозно-философского подхода к рассмотрению творчества Б. Л. Пастернака.

Ключевые слова: поэзия, литературный критик, богослов, стихи, роман, интерпретация, религиозно-философский аспект, мирозерцание.

В своей книге «Русская литература в эмиграции» (1956), обобщающей развитие русской литературы почти за полувековой период ее истории, Г.П. Струве, приводя список эмигрировавших или оказавшихся в эмиграции литераторов, сделал одно важное замечание. Он указал на тот факт, что поэты, оказавшиеся в эмиграции, – Г. Иванов, Н. Оцуп, И. Одоевцева, И. Северянин и др. – по своему значению для русской литературы значительно уступали тем, кто остался в России. Среди этих значительных поэтов, наряду с именами А. Блока, Н. Гумилева, А. Ахматовой, позднее – М. Цветаевой, он называет и имя Бориса Пастернака, тем самым, выводя его в первый ряд русских лириков XX века [1, с. 29].

Б.Л. Пастернак, как и его современники – выдающиеся русские поэты А. Ахматова, М. Цветаева, принадлежал «двум эпохам». Родившиеся в конце века XIX, они составили гордость и славу русской литературы века XX, а потому, как писал позднее литературный критик и богослов В.Н. Ильин, в своем творчестве отразили «синтез всевозможных антагонизирующих сил» [2, с. 70]. Среди названных русских поэтов XX в. особое внимание В.Н. Ильина привлек Б.Л. Пастернак, однако в анализе его творчества и мировоззрения он опирается не на лирику самого Б. Пастернака, а в большей степени на стихотворения, вошедшие в его роман «Доктор Живаго».

Известна драматичная судьба этого романа, рассматривавшегося самим автором как итоговое произведение, история его первой публикации и последовавшей за ней травли писателя. По-видимому, именно публикация романа, осуществленная в итальянском издательстве в 1957 г., Нобелевская премия по литературе,

присужденная писателю в 1958 году, и его смерть, последовавшая в 1960 году, стали «толчком» к обращению В.Н. Ильина к личности и творчеству Б.Л. Пастернака.

«Доктор Живаго», представляющий собой эпический рассказ о судьбе интеллигента в трагических событиях русской истории начала XX в.: от первой до второй мировых войн, между которыми были и революции, и Гражданская война, – значительно отличался от привычной формы русского классического романа XIX века. «Перед нами вовсе не роман, а род автобиографии самого Пастернака – автобиографии, в которой удивительным образом нет внешних фактов, совпадающих с реальной жизнью автора. <...> Это духовная автобиография Пастернака, сбивающая неопытного читателя с толку своим тяготением и к лирической поэзии», – писал в предисловии к русскому изданию романа академик Д.С. Лихачев [3, т. 1, с. 34].

Прежде чем обратиться к анализу ильинской концепции поэтической составляющей романа «Доктор Живаго», поскольку именно стихотворения, включенные в него, привлекли внимание критика, следует сказать о самом В.Н. Ильине и очертить, хотя бы кратко, основные положения его концепции искусства и художественного творчества.

Владимир Николаевич Ильин (1891–1974) – философ, математик, филолог, музыкант и композитор, богослов и теоретик искусства. Разносторонне одаренный, он с юных лет пробовал себя в разных отраслях знания: учился на физико-математическом факультете, позднее окончил историко-филологический факультет, Киевскую консерваторию по классу композиции.

Уже в эмиграции, в 1919 году, получил богословское образование и с 1925 г. начал читать курс литургики в Свято-Сергиевском Богословском институте в Париже. В каждую из сфер своей деятельности В.Н.Ильин внес весьма значительный вклад, обогатив ее новыми концепциями. Интересны работы В.Н. Ильина в области литературоведения, литературной критики и теории искусства. Он был одним из тех теоретиков искусства, кто в эмиграции продолжал развивать принципы русской религиозно-философской критики и сформулировал свою концепцию русского искусства и литературы.

В.Н. Ильин называл роман «Доктор Живаго» значительным явлением русской литературы XX в., а Б.Л. Пастернака – одним из самых крупных поэтов и прозаиков СССР. В этой связи трудно сказать, знал ли В.Н. Ильин произведения других выдающихся русских прозаиков XX в., работавших в то время в СССР, но совершенно очевидно, что роман Б.Л. Пастернака привлек его внимание сразу же после публикации. В 1957 г. вышел роман, в 1958 г. его автору присуждена Нобелевская премия, а в 1960 г. вышла книга В.Н. Ильина «Арфа царя Давида в русской поэзии», в которой и появилась статья с разбором стихотворений Юрия Живаго.

Статья небольшая и анализируются в ней далеко не все стихотворения, вошедшие в роман. В.Н. Ильин выбрал только четыре из них – «Гамлет», «На Страстной», «Гефсиманский сад», «Дурные дни». Выбор стихотворений говорит о стремлении критика выявить мировоззренческий аспект лирики, включенной в роман как стихи Юрия Живаго. В.Н. Ильин точно понял замысел всего произведения и то, кто именно стал «прототипом» его главного героя, хотя никаких дополнительных – архивных, эпистолярных и иных материалов у него в то время не было. Критиком прочитывалась не только автобиографическая составляющая романа, отчетливо вписанная в его художественный мир, но и та надежда, которую возлагал на свое итоговое произведение писатель, – вновь пережить свою собственную жизнь – человека и поэта, а в известном смысле, и переписать свою судьбу. Этот авторский замысел, по-видимому, и давал В. Н. Ильину основание уже в первых строках своей статьи утверждать: «Миросозерцание его, как это ясно и из его собственных признаний, так и из текстов его поэзии и прозы – типичный, так сказать, ХРИСТОЦЕНТРИЗМ (Выделено автором. – Л. К.)» [2, с. 70].

Это утверждение критик обосновывает дальнейшим цитированием названных нами стихотворений и их кратким, но очень конкрет-

ным аналитическим разбором. В.Н. Ильин утверждает, что основным ведущим образом и эстетическим идеалом Пастернака-художника можно считать Христа. К такому утверждению он приходит прежде всего на основе анализа романа «Доктор Живаго», само название которого напоминает о Христе-Богочеловеке. Здесь следует сказать о происхождении фамилии главного героя – Живаго. О. Ивинская, близкий друг, женщина, которая, по словам самого Пастернака, была посвящена в его духовную жизнь, свидетельствует, что фамилия Живаго была случайно прочитана писателем на круглой чугунной плитке, зафиксировавшей чью-то собственность, – «фабрикант Живаго» [см.: 4, с. 702].

Однако есть и другое мнение о происхождении фамилии героя, на которое и указывает В.Н. Ильин: в церковнославянском языке слово «живаго» означает «живой». В текстах Библии слово «живаго» неизменно употребляется со словом Бог. Например, «Страшно впасть в руки Бога Живаго» (Евреям, 10, 31), «Вы – храм Бога живаго, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них» (2 Кор., 6, 18), «Церковь Бога Живаго, столп и утверждение истины (1 Тим. 3, 15). «Внутреннее поклонение и держание в себе живого образа Христа-Богочеловека» – это для В.Н. Ильина главное в замысле пастернаковского романа [2, с. 70], потому что для критика фамилия главного героя прежде всего ассоциирована со старославянским значением слова – «живой». Эту же мысль он утверждает не только в отношении замысла «Доктора Живаго», но и в отношении всего творчества Б.Л. Пастернака.

Стихотворения Юрия Живаго, отобранные критиком для обоснования своей концепции, вдохновлены важнейшими событиями Евангелия. Это – Вход Господень в Иерусалим («Дурные дни»), Моление о Чаше («Гефсиманский сад»), Крестные страдания, Смерть и Воскрешение Христа («На Страстной»). Однако более всего внутренняя драма самого Пастернака-художника и человека, по мнению В.Н. Ильина, раскрывается в стихотворении «Гамлет», открывающем весь цикл стихов:

Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске
Что случится на моем веку.

«Так же как и у Шекспира, – считает он, – смысл этого стихотворения – трагедия жизненного пути человека высших умственных запросов и высшей одаренности» [2, с. 71]. В сущности, это Ильинская характеристика самого Па-

стернака – человека, которому приходится нести «двойное иго: не только иго личной драмы, того самого Креста, который предназначен нам Богом и у людей творчества определяется призванием, но еще и крест ужасов социально-политической действительности»:

Но продуман распорядок действий,
И неотвратим конец пути.
Я, один, все тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти.

[2, с. 70–71].

Именно в этом стихотворении, по мнению В.Н. Ильина, заключен лейтмотив не только итогового романа, но и «всей жизненно поэтической и писательской темы Бориса Пастернака» [2, с. 71]. Более того, критик подчеркивает, что как писатель и поэт Борис Пастернак владел совершенно особой писательской манерой – «удачной органической цитацией целых стихов, строф из Священного писания и литургических текстов» [2, с. 71]. И в этом своем умении он представлял явление исключительное, потому что «в его большом синтезе взято все: и русская напевность, и русский пейзаж, и русская природа, и, самое главное, русская молящаяся душа»:

Еще земля голым-гола,
И ей ночами не в чем
Раскачивать колокола
И вторить с воли певчим.
И со Страстного четверга
Вплоть до Страстной субботы
Вода буравит берега
И бьет водовороты.

[2, с. 71–73].

Центральное место в статье В.Н. Ильина занимает анализ стихотворения «Гефсиманский сад». «Гефсимания» в переводе означает «масличный жом», «маслодавлиня». Неподалеку от масличного жома был сад, в котором совершилось одно из важнейших событий Евангелия – Моление о Чаше. В «Евангелии от Марка» сказано: «И приходят в местность, по имени Гефсимания. И говорит Он ученикам Своим: посидите здесь, а Я тем временем помолюсь. И берет с собой Петра, Иакова и Иоанна. И начал Он ужасаться и томиться. И говорит им: объята скорбию душа Моя до смерти; побудьте здесь и бодрствуйте. И пройдя немного вперед, повергался на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его этот час: и говорил: Авва Отче! Все возможно Тебе; Пронеси чашу эту мимо Меня, но не чего Я хочу, а чего Ты» (Евангелие от Марка, 32–36). Критик подчеркивает, что

поэт едва ли не дословно передает текст Евангелия:

Учеников оставив за стеной,
Он им сказал: «Душа скорбит смертельно,
Побудьте здесь и бодрствуйте со мной»

.....
И, глядя в эти черные провалы,
Пустые, без начала и конца
Чтоб эта чаша миновала
В поту кровавом Он молил Отца.

[2, с. 73–74].

В.Н. Ильин считает, что для поэтов передать гефсиманское борение Христа тема «труднейшая», и подчеркивает, что для Пастернака важно выявить и показать прежде всего человеческую суть Христа – человека живого, состоящего из плоти и крови, страдающего и ужасающегося предстоящим ему мукам. В своем молении он превращается «как бы... в обыкновенного человека, каждого из нас» [2, с. 75]. В богословии этот акт, указывает В. Н. Ильин, называется кенозисом (греч. уничтожение).

Действительно, здесь отчетливо показано самоумаление Христа через добровольное совлечение с себя своего Божества: он предстает здесь человеком – страдающим, тоскующим, находящимся в борении с самим собой. Эту мысль, так отчетливо проведенную Б. Л. Пастернаком, критик выделяет и подчеркивает особо. Позднее, вспоминая годы травли Б.Л. Пастернака, наступившие после публикации романа, Нобелевской премии и добровольного отказа от нее, близкие люди называли эти дни «Гефсиманскими страданиями Бориса Леонидовича» [см.: 4].

Сейчас, вчитываясь в очень краткие характеристики и скупой анализ стихотворений Б. Пастернака, проведенный В. Н. Ильиным, понятно, насколько точно и глубоко был понят им и роман «Доктор Живаго», прежде всего его духовно-автобиографическая сущность, и исповедальность стихотворений его главного героя. В.Н. Ильин, не знавший о всех драматических обстоятельствах жизни писателя «до и после» романа, точно угадал и понял в его художественной ткани, в стихах его главного героя, написанных человеком как бы с обнаженным сердцем, мировоззренческие поиски и устремления самого Б. Л. Пастернака. Для него он крупнейший поэт XX в., «утонченнейший человек Возрождения», личность, обладающая силой преодолеть свои сомнения, свое отчаяние, находящая опору в подлинном религиозном чувстве.

Статья В.Н. Ильина вышла из печати спустя месяц после кончины Б.Л. Пастернака – в июле 1960 г., и во многом она стала тем словом, которое сказала русская эмиграция о человеке, оставшимся с Россией в самые тяжкие годы ее испытаний. Говоря об оценках В. Н. Ильиным поэзии и прозы Б.Л. Пастернака, нельзя забывать о том, что сам он был ученым-богословом. Именно это обстоятельство во многом определило и пафос его статьи, и методологические подходы к рассмотрению итогового романа и лирики одного из крупнейших русских поэтов и прозаиков XX века. Критик выразил убеждение, что стихи Б.Л. Пастернака понятны всем, ибо каждый из читающих их отзовется на них глу-

бочайшими тайниками своей собственной души.

Список литературы

1. Струве Г. Русская литература в изгнании. Краткий биографический словарь русского зарубежья. Париж: УМКА-Press; М.: Русский путь, 1996. 446 с.
2. Ильин В.Н. Арфа царя Давида в русской поэзии. Брюссель: изд-во «Жизнь с Богом», 1960. 80 с.
3. Лихачев Д.С. Борис Леонидович Пастернак // Пастернак Б.Л. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1989. С. 5–44.
4. Пастернак Е.Б. Б. Пастернак. Биография. М.: Цитадель, 1997. 728 с.
5. Быков Д. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2007. 893 с.

POETRY BY BORIS PASTERNAK IN V.N.ILIJN'S INTERPRETATION: RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL ASPECTS

L.S.Konkina

The paper presents the interpretation of poetry by B.L.Pasternak from his novel "Doctor Zhivago", known as "verses by Jury Zhivago", by one of the well-known literary critic and theologian of the Russian Emigration of the so-called "first wave" V.N. Iljin. The article based on the analysis of his article "Boris Pasternak and His Poetry", included in the book "King David's Harp in the Russian Poetry".

Keywords: poetry, literary critic, theologian, verses, novel, interpretation, religious and philosophical aspect, world-outlook.

References

1. Struve G. Russkaya literatura v izgnanii. Kratkiy biograficheskiy slovar' russkogo zarubezh'ya. Parizh: УМКА-Press; М.: Russkiy put', 1996. 446 s.
2. Il'in V.N. Arfa tsarya Davida v russkoy poezii. Bryussel': izd-vo «Zhizn' s Bogom», 1960. 80 s.
3. Likhachev D.S. Boris Leonidovich Pasternak // Pasternak B.L. Sobr. soch.: v 5 t. Т. 1. М.: Khudozh. lit., 1989. S. 5–44.
4. Pasternak E.B. B. Pasternak. Biografiya. М.: Tsitadel', 1997. 728 s.
5. Bykov D. Boris Pasternak. М.: Molodaya gvardiya, 2007. 893 s.